П. В. ПАШКОВ

Воспоминания юнкера - Алексеевца



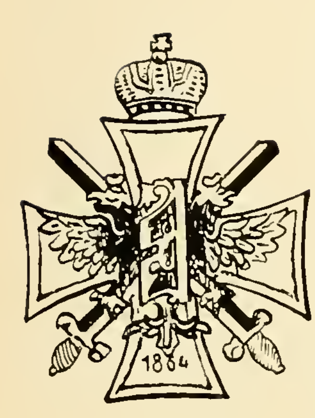
Военно-Историческая Библиотека « Военной Были »
№ 15

«Это издание отпечатана в количестве 250 нумерованных экземпляров, из которых 25 (№№ 1 — 25) в продажу не поступили».

ЭКЗ. №.

Воспоминания юнкера - Алексеевца

1 июня — 1 октября 1915 года



Небывалый подъем патриотизма, охвативший все слои населения необъятной нашей родины — России в первые месяцы мировой войны 1914 года, проявился с особенной яркостью на русской учащейся молодежи, хлынувшей стихийно в различные военно-учебные заведения и давшей русской армии новые кадры офицеров — прапорщиков военного времени.

Охваченная общим порывом, эта русская молодежь страстно и упорно стремилась на фронт и, кажется, боялась только одного: что война сможет окончиться скоро и она не примет в ней участия.

Сколько было в те дни побегов в армию совсем юных кадет, гимназистов и реалистов, мечтавших стяжать лавры героя, пролить свою кровь или беззаветно отдать свою жизнь на благо так горячо любимой ими родины.

Этот бурный порыв не миновал и меня, тогда двадцатилетнего студента — юриста второкурсника Императорского Харьковского университета, но тяжелая болезнь, брюшной тиф с осложнениями, которым я заболел перед самым Рождеством 1914 года, принудила меня отложить это мое желание до весны следующего 1915 года. Только в конце мая этого года я наконец смог отправиться в Москву для поступления в избранное мною Алексеевское военное училище.

Тотчас же после производства в подпоручики последних юнкеров мирного времени, то есть проходивших курс обучения в течение одного года, все военные училища перешли на ускоренное четырехмесячное обучение и стали выпускать новых офицеров уже не в чине подпоручика, а прапорщиками. Срок обучения в училищах в разное время войны был неодинаков и колебался, доходя до пяти и даже до шести месяцев, но в конце концов остановились на четырехмесячном курсе, каковой и просуществовал до самого конца войны во всех пехотных военных училищах и во вновь созданных школах прапорщиков. В училищах специальных, артиллерийских и инженерных, и, как кажется, в кавалерийских, этот срок был несколько продлен, особенно в артиллерийских училищах, где он от шести месяцев в начале войны дошел к концу ее до одного года.

Ехал я в училище не один. Вместе со мной отправился мой товарищ по гимназии и университету Борис Михайлович Кромида, сын полковника 121-го пехотного Пензенского генерал-фельдмаршала графа Милютина полка, который впоследствии, окончив училище фельдфебелем 3-й роты, был оставлен при нем в качестве курсового офицера. Последний раз мне пришлось встретиться с ним в 1920 году в Екатеринодаре, во время общего отступления Добровольческой армии. С тех пор никаких сведений о нем я не имел и предполагаю, что он погиб во время этого трагического отхода.

В Москве мы встретили еще двух наших харьковских студентов и товарищей по гимназии: Виталия Алексеевича и Николая Пашинского, приехавших из Харькова и собиравшихся поступить также в Алексеевское военное училище .

Виталий Алексеевич после производства в прапорщики из старших портупей-юнкеров роты Его Высочества сражался в составе русской бригады на Салоникском фронте. В 1919 году он был в Добровольческой армии генерала Деникина. Пашинский служил в одном из Заамурских пограничных конных полков. В 1916 году я его встретил в Харькове в чине корнета.

В Москву все мы попали впервые. Нечего и говорить, что своими памятниками седой старины, историческими реликвиями и местами, вообще всем своим обликом, она произвела на нас неизгладимое впечатление. К сожалению, в те только два или три дня, которыми мы располагали до явки в училище, мы не имели возможности хорошенько ее осмотреть, так как в Москве в эти дни произошли беспорядки, — погромы немецких магазинов и учреждений, — стало очень неспокойно, было объявлено военное положение, и хождение по улицам после 8 часов вечера воспрещено. Все же нам удалось побывать в Кремле, в храме Христа Спасителя, в Третьяковской галерее и уж не помню, где еще.

После благополучно прошедшего медицинского осмотра, на котором я был, по своему росту, назначен в роту Его Высочества (первую), нам было приказано явиться в училище 1-го июня утром. В это время батальон юнкеров находился уже в лагерях на Ходынском поле под Москвой. Бараки нашего училища стояли в конце лагерного расположения, недалеко от Сере-

бряного бора и станции Покровское-Стрешнево Виндаво-Рыбинской железной дороги. Рядом с нами помещались бараки Тверского кавалерийского училища, но они в это лето пустовали, Тверцы оставались у себя, в Твери.

Лагерь училища

Лагерь училища был расположен следующим образом: вдоль передней линейки, параллельно ей, стояло в два ряда восемь прекрасных, светлых, длинных бараков, каждый на полуроту; сзади них — восемь меньших бараков-умывалок; на правом же фланге, перпендикулярно передней линейке, — вновь выстроенный барак 5-й роты. В середине лагеря, у передней линейки, в особой крытой стойке помещалось знамя, рядом с ним — палатка для караула и большие часы, установленные на деревянной тумбе. Перед этими часами, спиной к бараку дежурного офицера, ежедневно выстраивались стоящие « под винтовкой », число которых часто доходило до хорошего взвода.

Тут же находился и небольшой барак с балкончиком для дежурного офицера, а позади него помещалась юнкерская чайная-лавочка, представляющая собой деревянный киоск, с трех сторон окруженный крытой верандой со стоящими на ней столиками для чаепития. Сбоку чайной находилась площадка с гимнастическими снарядами: кобылой, турником, кольцами, горкой и т. п. Сооружения для полевой гимнастики, — заборы, ямы, столбы, — находились на краю лагерного расположения, за бараком 5-й роты, и там же были блиндажи для практических занятий по фортификации.

За ротными бараками, в глубине, был выстроен большой навес без стен, служивший юнкерской столовой, за ним — различные хозяйственные постройки: кухня, цейхгаузы, помещения для прислуги; наконец, еще далее — запретная зона: офицерские дачи и флигеля, в расположение которых юнкерам появляться строжайше воспрещалось.

Весь наш лагерь был расположен как бы в лесу, с громадными вековыми деревьями, продолжением которого являлся знаменитый Серебряный бор. Перед передней линейкой открывался вид на нескончаемое поле, прямо находилось стрельбище, а несколько влево были видны мачты искрового телеграфа и тыл гренадерских лагерей.

Серебряный бор и окрестности станции Покровское-Стрешнево были наводнены дачницами, большею частью семьями офицеров гренадерской дивизии и гренадерской артиллерийской бригады, мужья и отцы которых были на фронте, и как военные дамы они охотно вели знакомство с юнкерами. На этих дачах большинство из нас проводили свои отпускные часы, предпочитая красоты природы и, главное, милое дамское общество пыльной и душной в это время Москве.

Первый день юнкером

Итак, рано утром 1 июня 1915 года нестройная толпа самой разношерстной и разнообразно одетой молодежи явилась в училище, чтобы стать с этого дня юнкерами.

Надо сказать, что в мое время к приему в училище допускались молодые люди исключительно с законченным средним образованием, а потому главный контингент поступающих составляли только что окончившие курс гимназисты и реалисты, много было студентов, а также довольно большой процент лиц с законченным высшим образованием, которые, окончив образование, теряли право на отсрочку по отбыванию воинской повинности и должны были идти в войска. Только в моем взводе таких было шесть или семь человек. По окончании училища все юнкера с высшим техническим образованием (инженеры) брали вакансии вне всякой очереди и все выходили в артиллерию или в инженерные войска.

Как исключение попадались кадеты и вольноопределяющиеся, — их было не особенно много и на них мы смотрели с почтительным восторгом, в особенности на вольноопределяющихся — георгиевских кавалеров, уже побывавших на фронте и успевших заработать свой крест.

Среди этих вольноопределяющихся особенно выделялся своим лихим видом один, в форме артиллериста 1-й запасной артиллерийской бригады, стоявшей в Москве. Его шпоры, шашка, шинель, та отчетливость, с которой он отдавал честь и разговаривал с начальством, производила на нас, « шпаков », сильное впечатление. Этот вольноопределяющийся, очень милый юноша — москвич Немчинов, был назначен вместе со мною в одну роту и взвод и оказался превосходным строевиком, гимнастом и отличным товарищем, но науки у него несколько хромали. И вот, перед самым производством он, невероятно печальный, поведал нам свое горе: его мать, имея какие-то крупные связи в нужных сферах, предприняла шаги к тому, чтобы ее сына выпустили из училища не офицером, а... чиновником, якобы по болезни. Немчинов был совершеннно искренне удручен, ему было стыдно смотреть нам в глаза, но все произошло так, как хотела его мать, и вместо погон прапорщика он надел узкие погоны чина какого-то класса и остался в Москве. Не знаю, быть может потом он не особенно жалел об этом.

Наш первый день военной службы начался с того, что всех нас выстроили и разбили по ротам. Вот тут-то, благодаря тому, что в числе поступивших оказалось громадное количество верзил, я, к моему величайшему огорчению, на-

значенный при медицинском осмотре в шефскую роту Его Высочества, был отправлен во 2-ю роту и даже на левый фланг 3-го взвода, хотя роста я был совсем не маленького.

Достаточно сказать, что на трех вновь поступивших правофланговых юнкеров роты Его Высочества не смогли подобрать из запасов училища юнкерского обмундирования и им пришлось его « строить » в срочном порядке. Это были какие-то богатыри — гиганты с саженными плечами. Между прочим, один из них был родным братом небезызвестного в те времена футуриста Бурлюка.

Впоследствии я ничуть не жалел, что попал во вторую роту, где очень подружился со многими юнкерами.

Каждая рота, как и в других училищах, имела свое прозвище : так юнкера роты Его Высочества, то есть — первой, назывались « крокодилами », мы — вторая рота — были « извозчиками », третья носила оскорбительное название « девочки », четвертая, за свой малый рост, имела прозвище совершенно непечатное, и, наконец, пятая рота называлась « барабанщиками ».

После разбивки нас повели получать казенное обмундирование, затем была стрижка « под машинку », баня, сдача собственных вещей, и мы начали принимать воинский вид.

Обмундирование юнкера в военное время состояло из гимнастерки защитной легкой материи с золотыми орлеными пуговицами и красными юнкерскими погонами, обшитыми галуном с крашеным вензелем нашего Шефа, Наследника Цесаревича, — славянской литерой « А » под великокняжеской короной, черных суконных шаровар, кожаного лакированного кушака с медной бляхой с государственным гербом, высоких сапог, бескозырки с алым околышем и черной тульей с алой выпушкой и солдатской кокардой и, наконец, шинели солдатского сукна и покроя, с юнкерскими погонами и петлицами (клапанами) красного сукна с черной выпушкой и с одной пуговицей.

Для скаток, которые мы надевали на все строевые занятия, нам были выданы другие шинели светло-серого сукна с серебряными пуговицами и серебряным галуном на погонах без вензелей, оставшиеся от прежних времен старых сроков. Эти скатки раскатывались только для обучения нас скатыванию, и ни в рукава, ни внакидку мы их никогда не надевали. Для отпуска были выданы защитные фуражки с козырьком, цветные же бескозырки мы носили только в расположении лагеря и на занятиях в поле.

В смысле обмундирования и белья мы были обставлены прекрасно : постельное белье нам меняли еженедельно, нижнее — два раза в неделю, а носки и носовые платки мы могли получать хоть по десять раз на день, лишь бы было желание; требовалось только тут же сдать старые.

После присяги нам выдали для отпуска совершенно новые гимнастерки, которые мы могли пригонять по желанию.

Многие юнкера заказывали себе собственные сапоги, так как они все равно были необходимы для будущей службы. В своих сапогах разрешалось ходить только в отпуск и, Боже упаси, стать в них в строй. Я решил щегольнуть, и один из лучших московских сапожников сшил мне действительно замечательные сапоги с твердыми голенищами. В первый же отпускной день я отправился в них в отпуск, возвращаясь из которого попал под сильный дождь. Сапоги мои намокли, и снять их при всех моих усилиях я не мог. А тут надо было строиться на вечернюю перекличку. « Будь что будет » решил я и стал в них в строй. По счастью, уже смеркалось и никто из начальства не заметил моего преступления. А вернувшись с поверки, уже вся полурота занялась мною, и меня таскали по всему бараку, пытаясь снять злополучные сапоги. Мне чуть не оторвали ноги, но в конце концов все же удалось их снять (хотя и с невероятными трудностями).

В другой раз из-за этих же сапог я получил первое свое взыскание. Дело было такого рода : как-то в один из первых отпускных дней я решил проехать из Москвы по железной дороге на станцию Покровское-Стрешнево, рассчитывая вернуться оттуда в лагерь вместе с юнкерами, болтающимися всегда в дни отпуска в районе станции и около дач в большом количестве, так как сам я дороги со станции в лагерь не знал.

Было начало девятого, когда, сойдя с поезда в Покровском, тут же на платформе я познакомился с очаровательным созданием, оказавшимся дочерью одного из офицеров Фанагорийского гренадерского полка. Прелестная дачница, знавшая, пожалуй, лучше меня все наши училищные правила, принимая меня, вероятно по моим сапогам и довольно подтянутому виду, за юнкера старшего курса, предложила мне прогуляться в лес. Ложный стыд помешал мне тотчас же сознаться в том, что я — всего только что испеченный юнкер, имеющий право отпуска только до 9 часов, а не до 10 или 11 часов, как старшие и портупеи, и что я не знаю даже дороги в лагерь и рассчитываю на своих однокурсников.

Гуляя в лесу, я к своему ужасу убеждаюсь, что младшие юнкера начинают постепенно исчезать и вскоре из них не остается ни одного, — значит наступило время возвращаться в лагерь. На мое счастье, моя новая знакомая просит, наконец, меня проводить ее до ее дачи, которая оказалась недалеко. Я прощаюсь, и, как только она скрывается в калитке, поворачиваюсь и развиваю такую скорость, которой, по-

жалуй, позавидовал бы и хороший рысак. Но беда в том, что я понятия не имею о дороге в лагерь и беру только приблизительное на него направление...

После довольно утомительного бега я вдруг замечаю среди деревьев спасительную доску с надписью: « Алексеевское военное училище », стоящую на столбе на краю довольно глубокой канавы, окружающей с трех сторон наш лагерь. В мгновение ока я уже на другой стороне канавы и попадаю как раз в запретную зону офицерских флигелей. Как затравленный волк, бросаюсь я от одного куста к другому, чтобы под их прикрытием выбраться к своему бараку. Вдруг слышу строгий окрик: « Кто здесь?... », но тут уж я просто вырываюсь из-под куста и выношусь где-то около кухонь... Опаздываю я из отпуска всего лишь на пять или шесть минут и лишаюсь такового на неделю. Больше я никогда не опаздывал, а знакомой своей в следующее же свидание сознался в том, что я — вовсе не старшего курса.

После того как мы были обмундированы, нас повели по баракам, указали наши койки, полки в больших шкафах у стен, где полагалось хранить свои вещи, выдали винтовки (без штыков), кожаные подсумки, вещевые брезентовые мешки и шанцевый инструмент.

Между прочим эти вещевые мешки служили нам большую службу: к перевязи мешка прикреплялась особая петля и, когда нас ставили под винтовку и офицер командовал: « На плечо! », нужно было, поднимая винтовку уставным приемом, вставить тыльную часть ложа в эту петлю. Тогда, стоя смирно, можно было винтовку не держать, — она сама держалась в петле, а руку мы сгибали только для вида. Но трюк этот требовал большой практики и долгих предварительных упражнений, да и не всякому он давался. Я быстро и в совершенстве постиг эту премудрость, благодаря чему стояние « под винтом » было совсем не утомительно.

В первый день никаких занятий с нами не производили, разбили нас по полуротам и на взводы и отделения, объявили нам наши « личные номера » (мой был № 152), показали, как складывать на ночь свою одежду и как ставить сапоги. Нашу полуроту, кроме того, разбили еще и на два учебных отделения (для лекций).

К завтраку и обеду водили уже строем. Кормили в училище отлично. Утром давали чай со свежей булкой; в 12 часов дня — завтрак из двух блюд, затем — обед и вечером опять чай с булкой. Мясо полагалось ежедневно два раза, и, кроме того, по утрам и вечерам к чаю иногда давались холодные котлеты.

Вначале, после поступления в училище, большинство юнкеров вовсе лишалось аппетита и не было в состоянии одолеть всего того, что нам полагалось, но очень скоро появлялся какой-то « волчий » аппетит и всего уже казалось мало. К концу курса все входило в норму и полагающийся паек был вполне достаточным.

К услугам юнкеров была в лагере юнкерская чайная, где в свободное время и за ничтожную плату все желающие могли получить чай, шоколад, пирожные, сладкие булочки, печенье и т. д. Были в чайной, кроме лакомств, еще и папиросы, почтовая бумага и конверты с тисненым знаком училища, которые всегда были нарасхват.

Наше начальство

В описываемое мною время начальником училища был генерал-майор Хамин. Он так редко появлялся перед нами и так недолго были мы в стенах училища, что просто не успели составить о нем мнения. Так, например, за все время пребывания в училище юнкером я видел его всего лишь пять-шесть раз, да и то всегда на расстоянии.

Командиром батальона юнкеров был гвардии полковник Попов. Среди юнкеров говорили про него, что он был командиром той роты Софийского пехотного полка, из строя которой во время императорского смотра вышел солдат, чтобы подать прошение Государю. За эту историю полковник Попов был будто бы разжалован в рядовые, но затем восстановлен в чинах. В училище его терпеть не могли не только мы, юнкера, но и все, кажется, строевые офицеры. Вечно ноющий, вечно недовольный, с каким-то особенно неприятным, тягучим голосом, он только и занимался тем, что делал всем и всюду замечания. К нашему счастью, вначале он не особенно часто бывал на строевых занятиях и только в конце курса зачастил на ротные учения. Это была и для нас и для наших офицеров сплошная пытка.

Ротами командовали гвардии капитаны: 1-й — Фриде, 2-й — Васильев, 3-й — Кохановский, 4-й — Дубровольский и 5-й — Ткачук. Младшими офицерами на полуротах были штабс-капитаны и поручики, а на взводах обыкновенно прапорщики из окончивших наше же училище, оставленные при нем в качестве прикомандированных. В роте Его Высочества полуротными командирами были два великана — штабс-капитан Козловский и поручик Казанский.

В моей 2-й роте первой полуротой командовал капитан Бозловский, гроза всего училища; 2-й — прикомандированный к училищу 3-го гренадерского Перновского полка штабс-капитан Халтурин, очень дельный и знающий офицер и хороший педагог, много помогший нам своими советами для будущего. Юнкера охотно обращались к нему по всем вопросам, и он всегда давал исчерпывающий ответ. Когда, уже будучи прапорщиком, в декабре 1915 года, проездом через Москву я навестил училище, штабс-

капитан Халтурин уже состоял в штате и носил форму училища.

Моим 3-им взводом командовал прапорщик Лавров. Большой службист, требовательный и строгий начальник во время службы, вне ее он как-то неумело старался подойти ближе к юнкерам. Быть может делал он это от чистого сердца, но мы не чувствовали в нем искренности и потому не особенно ему доверяли и не очень откровенничали.

На 4-ом взводе нашей роты стоял совсем юный, незадолго до того окончивший училище прапорщик Иванов.

Вообще все офицеры были чрезвычайно строги и требовательны в отношении службы, спуску нам не давали, и наказания сыпались, как из рога изобилия, но никого мы так не боялись, когда были еще на младшем курсе, как нашего ротного фельдфебеля Шалля, латыша по происхождению, который своей невероятной требовательностью, неумолимостью во взысканиях, не спускавший никогда и никому, нагонял на нас, молодых, священный ужас.

Мой взводный портупей-юнкер Безносов был также требовательный и строгий начальник, но вместе с тем очень вежливый и благожелательно и просто относившийся к своим подчиненным.

С отделенными командирами, младшими портупей-юнкерами, были самые лучшие отношения, но, к сожалению, из моей памяти выпали все их имена, и я не могу даже вспомнить своего отделенного командира.

К строевому начальству надо также отнести начальника пулеметной команды, а впоследствии — адъютанта училища, гвардии штабс-капитана Стефановича, инструктора верховой езды поручика Кузьмина и адъютанта училища штабс-капитана Корженевского.

Во время войны, при ускоренных выпусках, в военных училищах проходились только чисто военные науки, все же остальные, как, например, химия, физика, математика, военная история и др., были упразднены. Таким образом в программу нашего обучения входили только следующие предметы :

1 — воинские уставы — штабс-капитан Халтурин;
2 — тактика — генерал-майор Гутор;
3 — фортификация — полковник Стерлигов;
4 — артиллерия — полковник Каменцев;
5 — военная администрация — полковник Мастыко;
6 — гигиена — статский советник Чернявский.

Инспектором классов состоял генерал-майор Свенцицкий. В других отделениях были и другие преподаватели, но имена их не запомнились. Все преподаватели были с высшим военным образованием и окончили ту или иную академию.

Метода преподавания была лекционная, а знания юнкеров проверялись на репетициях и оценивались баллами по двенадцатибальной системе. Никаких письменных испытаний не существовало, но юнкера были обязаны вести записи лекций по тактике, артиллерии и администрации и чертежей с пояснительным текстом по фортификации. Тетради с этими записями неоднократно проверялись преподавателями и имели большое значение при выводе балла по данному предмету.

Лекции в лагере происходили в ротных бараках. Мы располагались на сдвинутых койках, держа на коленях свои тетради для записи лекции, а для преподавателя стоял маленький столик и стул и классная доска. На зимних квартирах имелись специально оборудованные классные комнаты.

Все предметы, преподаваемые нам, отличались своей новизной : ведь в прежней жизни почти никому из нас не приходилось с ними встречаться, а многие даже и не слышали о существовании таковых. Поэтому они многих заинтересовывали, в особенности предметы тех лекторов, которые читали их мастерски. Кроме того, некоторая часть юнкеров отдавала себе ясный отчет в том, что в самом скором будущем все это понадобится в жизни, и поэтому серьезно относилась к занятиям. Конечно, были и такие, которые во время лекций, главным образом по тактике и гигиене, располагались под койками, заранее приготовив себе там скатку под голову вместо подушки, и предавались сладкому сну, но не у всякого преподавателя это сходило благополучно.

Самыми интересными и увлекательными лекциями, в смысле их чтения, были, как это ни покажется странным, лекции по военной администрации, которую читал нам полковник Мастыко, военный юрист по образованию. Нужно сказать, что читал он свой довольно скучный предмет настолько хорошо, приводя в пояснение массу исторических или бытовых примеров, что юнкера с большим удовольствием ожидали его лекций. Кроме того, он весьма щедро ставил нам баллы на репетициях, что не могло не нравиться юнкерам.

Нельзя умолчать и о нашем училищном докторе статском советнике Чернявском, маленьком, сухоньком старике с бегающими быстрыми глазками, с растительностью на лице чуть ли не от самых этих глаз, которому еще в незапамятные времена было дано очень меткое прозвище : « макака ». Действительно, всем своим обликом и манерами он очень напоминал обезьяну. Говор его был тоже особенный : « юнкаря », « сидитя там!... » и т. д. Будучи статским советником, он не терпел обращения к нему : « Ваше превосходительство! » и юнкера, рискнувшего так к нему обратиться, немедленно и резко обрывал словами : « Сидитя, Ваше сиятельство! »

Самым замечательным было то, что он не

только никогда не смеялся, но и не переносил и нашего смеха или улыбок, причем сам в то же время старался нас рассмешить. Его лекции и репетиции были, собственно, экзаменом на нашу выдержку и самообладание. Вот, например, на лекции, рассказывая о плевре, он прибавляет: « Так вот, плевра... Некоторые юнкаря смешивают ее с бардашным танцем « ойрой »... », и его быстрые глазки подозрительно обегают лица всех юнкеров, и горе тому, кто не удержался и фыркнул: неудовлетворительный балл ему обеспечен. Тем же, кто, не моргнув глазом, слушал его с каменным лицом, он ставил 10, 11 или даже все 12.

Про него ходила легенда, что несколько лет тому назад (причем точно указывались дата и час) он, придя домой и увидев на окнах новые занавески, улыбнулся... Это была его последняя улыбка, и с тех пор он больше никогда не смеялся и не улыбался.

В лазарете каждому вновь прибывшему больному он давал хорошую порцию касторки и, благодаря этой системе лечения, больных у нас всегда бывало не так много.

Помню возмущение юнкера Скубачевского (почтенного отца семейства, окончившего университет), который натер узким сапогом раны на ногах и обратился в лазарет, где немедленно получил традиционную порцию касторки. Правда, он был все же освобожден на несколько дней от строевых занятий.

Порядок дня

Со 2 июня, то есть со второго дня нашего поступления в училище, начались усиленные и регулярные занятия строем и науками, — ведь за какие-нибудь четыре месяца из нас надо было сделать офицеров, и время не ждало.

В шесть часов без четверти барабан забил повестку, ровно в шесть часов — подъем, по которому юнкера молниеносно вскакивали со своих коек, одевались, мылись, чистились и выстраивались на утренний осмотр, после которого нас вели строем на утренний чай.

Осматривали нас весьма тщательно: хорошо ли начищены пуговицы и бляха кушака, под который, чтобы проверить, как он затянут, просовывали палец. Палец должен был еле-еле проходить, и некоторые надували в это время живот, но трюк этот никогда не помогал и не мог ввести в заблуждение наше опытное начальство. Обращали внимание, блестят ли сапоги.

После чая мы возвращались строем в бараки для того, чтобы, надев снаряжение и взяв винтовки, вновь выстроиться для строевых занятий, которые продолжались до завтрака.

Ровно в 12 часов подавался завтрак. После него — лекции до обеда и, наконец, полуторачасовый отдых, когда разрешалось лежать на койках, обязательно сняв сапоги. В течение этих же полутора часов нужно было готовиться к репетициям, зубрить уставы, а угодившие « под винтовку » должны были отстаивать свой час.

После отдыха — опять строевые занятия до вечера, вечерний час, вечерняя перекличка, и в 10 часов вечера гасились огни и все, кроме дежурных, должны были спать. Проведя целый день на воздухе в физических упражнениях, гимнастике и маршировке, мы засыпали, конечно, как убитые, и, по всей вероятности, редко, кто видел какие-либо сны.

Иногда по вечерам, перед вечерним чаем, нас собирали у барака, подавалась команда: « На месте, шагом марш! », и мы разучивали солдатские песни. Замечательно, что никаких оправданий в неумении петь, в отсутствии голоса или слуха, не принималось, — петь должны были решительно все и, в результате, все роты пели превосходно и соперничали между собой, разучивая все новые и новые песни. В мое время вне конкуренции была 3-я рота, командир которой, гвардии капитан Кохановский, — большой любитель ротного пения, сумел подобрать в свою роту лучшие голоса и организовать прекрасный хор.

Через две недели после нашего поступления в училище, то есть 14 июня, должна была состояться церемония приведения нас к присяге. Все, кто по каким-либо причинам не желали оставаться в училище, имели право и возможность в течение этого двухнедельного срока до принятия присяги « отчислиться » и уйти в « первобытное состояние ». Разумеется, это было доступно всем, кроме военнообязанных, для которых была только одна дорога: рядовым в полк.

В описываемое мною время большинство поступивших юнкеров были добровольцами или еще не призывного возраста, или пользовались отсрочками до окончания образования (студенты) и, несмотря на строжайшую дисциплину и суровые требования юнкерской службы и жизни, о которых нам сразу же дали понять с первых же дней, отчислялись очень и очень немногие. О них никто и не жалел, были, наоборот, рады, что освобождаемся от излишнего балласта.

Наступил, наконец, канун присяги, и наш фельдфебель Шалля во время вечерней поверки, на которой как бы случайно отсутствовали офицеры, после чтения приказа и наряда прочел особый приказ (« по курилке »), где объявлялось об обязательном участии всех молодых « козерогов » в предстоящей в эту ночь церемонии « похорон Шпака ». Тут необходимо пояснить, что наше училище в мирное время принимало много юнкеров « со стороны », то есть штатских, и вот поэтому в нем появилась особая традиция « похорон Шпака ». В ночь нака-

нуне присяги происходила особая церемония, символизирующая как бы отрешение от всего прошлого «статского» и указывающая на то, что со следующего дня все станут настоящими военными, которым нет уже возврата в прежнее положение «шпака», то есть статского. Об этой традиции все мы знали заранее, с нетерпением ее ждали и тщательно к ней готовились, придумывая и приготовляя каждый для себя соответствующий костюм.

«Похороны Шпака»

Итак, в ночь накануне присяги, к десяти часам вечера, казалось, что лагерь, как обычно, крепко спит. На самом же деле не спал никто и, лежа под одеялом на своей койке, каждый ждал сигнала для начала парада.

Наконец сигнал был дан, и бараки закипели лихорадочной жизнью: юнкера быстро вскакивали и поспешно надевали заранее приготовленные и тщательно каждым продуманные костюмы и быстро строились перед бараками своих рот.

Фантазии и изобретательности каждого юнкера предоставлялось придумать себе соответствующий событию костюм, причем приходилось, конечно, довольствоваться тем, что было под рукой: некоторые воспользовались своим штатским платьем, в котором они прибыли в училище, многие обратились за помощью к нашим ротным каптенармусам, снабдившим нас киверами и мундирами мирного времени. Большинство было в одних кальсонах, в мундирах и киверах, некоторые — в шляпах или в статских фуражках, в кепках и в мундирах, в студенческих тужурках или пиджаках, одним словом — в различных комбинациях статского с военным, в бескозырках, надетых задом наперед, но все, без исключения, — без штанов. Винтовки несли на правом плече и прикладом вверх.

Из подвижных, на колесах, стоек для колки чучел была сооружена погребальная колесница, которую везли десять совершенно голых юнкеров. На колеснице покоилось чучело шпака.

Эта колесница, окруженная голыми юнкерами с факелами в руках, дико скакавшими и кривлявшимися под звуки идущего впереди импровизированного оркестра из самых необычайных инструментов, вроде медных тазов, чайников и сковород, открывала шествие, которое проследовало сначала почти по всему лагерю, а затем направилось на небольшой плац, к саперному городку, за бараками 5-й роты, где и произошла символическая церемония похорон, говорились надгробные речи на тему о забвении всего статского, и все это — под дикий вой, визг и плач присутствующих.

Затем состоялся церемониальный марш, которым командовал фельдфебель нашей роты, а принимал парад фельдфебель роты Его Высочества (в мундире и кивере, но без штанов, увешанный массой различных орденов и лент). После церемониального марша роты были разведены по баракам и буквально через две минуты казалось, что ничего решительно и не происходило и лагерь давно уже спит крепким сном... Появился дежурный офицер, как будто в воду канувший во время церемонии, появились и другие офицеры. Найдя все в порядке, они спокойно удалились.

Как мы узнали впоследствии, не только наши офицеры и их семьи наблюдали издали «похороны», но на эту церемонию собралась масса дачников и дачниц из окрестностей, которые и любовались нами из ближайшего к лагерю леса. В темноте ночи они не были заметны, мы же, освещенные со всех сторон горящими факелами, представляли, вероятно, несколько необычное зрелище.

Когда я был на старшем курсе, наше участие в этой церемонии не было уже обязательным. Мы находились тогда на зимних квартирах, и «похороны Шпака» были лишены той красоты и размаха, как это происходило в лагере, потому что совершались в училищном манеже. Вся церемония происходила так же как и у нас, помню только, что одна рота, кажется 3-я, была одета однообразно: совершенно голые, но в бескозырках, кушаках с подсумками, в сапогах и с винтовками.

Присяга

Знаменательный день юнкерской жизни, 14 июня, когда мы должны были быть приведены к присяге, наступил. С утра мы наводили на себя лоск и блеск, занятий в этот день никаких не производилось и, наконец, батальон юнкеров был построен на плацу перед передней линейкой, в форме «покоя».

Торжественно было вынесено знамя, знаменщиком был юнкер моей 2-й роты 4-го взвода, георгиевский кавалер Михальченко.

Началась церковная служба, затем — чтение и повторение намислов присяги и, в заключение, церемониальный марш. Все наши офицеры были в парадной форме военного времени, при орденах.

В этот день нас в первый раз отпустили в отпуск, но далеко не всех, а только тех, кто в достаточной степени постиг премудрость отдания чести. Веселые и подтянутые, появились мы на улицах Москвы, гордые своим мундиром и честью называться юнкерами славного Алексеевского военного училища.

Со следующего дня начались усиленные занятия строем, становившиеся подчас крайне утомительными, но все это было пустяками в сравнении с тем грозным потоком различных взысканий за самое малейшее упущение или проступок, который полился на нас в изобилии.

Мы были взяты в такой « оборот » нашими курсовыми офицерами и портупей-юнкерами, что дни до присяги начали казаться нам каким-то райским блаженством, о котором можно было только мечтать. Ежедневно перед бараком дежурного офицера выстраивалась целая колонна стоящих под винтовкой, карцера не пустовали, и находились такие юнкера, которые успели уже « заработать » по месяцу « без отпуска », и это — при четырехмесячном обучении!... Во время занятий часто слышались грозные оклики : « Возьмите себе два часа под винтовку! », « неделю без отпуска! », « два наряда не в очередь! », а за что-либо более серьезное получали и « пять — тридцать! », то есть пять суток под арест и тридцать дней без отпуска.

Лагерная жизнь и занятия

Постепенно нас втягивали таким образом в занятия строем и гимнастикой, и они начали казаться уже не такими утомительными и трудными. Винтовка, прежде угнетавшая нас своей тяжестью, сталалегкой, как перышко, мы поздоровели, окрепли и совершенно свободно и легко переносили все тяготы юнкерской службы.

В конце августа мы совершили переход из лагерей в Москву, на зимние квартиры, в полном боевом снаряжении, с винтовками « на плечо », имея всего только две остановки минут по десять, чтобы оправиться и покурить стоя « вольно » и не выходя из рядов.

Было забавно то, что во время остановки на одной из московских улиц бабы-торговки и еще какие-то женщины в платках, думая, что нас, таких молодых, гонят на фронт, начали совать нам в руки булки, колбасу, папиросы, яблоки и другую снедь, а мы благодарили и принимали все это, не желая обидеть их, их порыва от чистого сердца, своим отказом.

Справедливость требует отметить, что глубоко и всесторонне продуманная программа нашего обучения и воспитания, блестяще проведенная в жизнь, превращала нас в такой короткий срок, всего лишь в четыре месяца, из большей частью совершенно невоенных людей не только по виду, но и по духу, — в молодых офицеров, далеких, конечно, от идеала, но подтянутых и вымуштрованных физически и снабженных самым необходимым комплексом тех элементарных военных знаний, которые были нам необходимы на первых шагах нашей самостоятельной службы. Знаний этих и обучения было, конечно, недостаточно, но ведь и молодые офицеры, оканчивавшие училища в мирное время, чувствовали себя, прибывая в полк, далеко не уверенными и на первых порах во многом даже зависели от своих унтер-офицеров и особенно от фельдфебеля. Доучиваться и совершенствоваться нам предоставлялось прямо на фронте, для которого нас, собственно, и готовили, и можно с уверенностью сказать, что прапорщики военного времени блестяще оправдали себя и с честью выдержали « экзамен ».

Постепенно, день за днем мы втягивались все более и более в службу, начав с одиночного обучения стойке, ружейным приемам, отданию чести и так далее, а к концу лагеря проходили уже ротные и батальонные ученья.

30 июля, в день рождения нашего шефа, Наследника Цесаревича, батальон юнкеров принял участие в состоявшемся на Ходынском поле параде всех частей лагерного сбора, и мы были совершенно искренне убеждены (на самом деле оно так и было), что на этом параде прошли лучше всех, и уж, конечно, значительно лучше юнкеров Александровского военного училища, которое мы почитали за « богадельню » за то, что там не ставили под винтовку.

Скоро начались стрельбы, на результат которых начальство обращало сугубое внимание : роты соперничали друг с другом, что, конечно негласно, поощрялось. Стреляли и из револьверов, но мало. На стрельбу нас выводили еще затемно, с таким расчетом, чтобы прибыть на стрельбище к самому рассвету. Отстрелявшие юнкера могли уходить в лагерь небольшими группами и до завтрака, то есть до 12 часов, могли отдыхать, вычистив только тотчас же по приходе в барак свою винтовку. Такими счастливцами были те, которые стреляли первыми, и как завидовали им стрелявшие последними, для которых не оставалось никакого времени для отдыха. Из винтовок мы стреляли довольно хорошо, чего нельзя сказать про стрельбу из револьверов. Эта стрельба, насколько помню, не давала блестящих результатов, да и начальство к ним, по-видимому, не стремилось, обращая главное внимание на винтовку.

В конце лагерного сбора состоялся ночной двухсторонний маневр : роты Его Высочества и наша, вторая, оборонялись, 3-я, 4-я и 5-я — наступали. Маневр происходил на Ходынском поле, почти что на знакомых нам местах, и прошел довольно удачно. Я помню, что, вызвавшись в дозор, я захватил в плен конного разведчика противника, которого и отправил в тыл с одним из дозорных, сам же, как старший дозора, пользовался его лошадью всю ночь, разъезжая на ней по полю, благо было темно и начальство не могло меня заметить. Когда же, по сигналу « отбой », мы собрались к своим ротам, и мой ротный командир спросил, почему я, послав пленного, не послал вместе с ним и его лошадь, я доложил, что полагал необходимым оставить эту лошадь в дозоре, в своем распоряжении, где она принесла большую пользу, так как на ней доставлялись донесения на заставы... Ответ мой вполне его удовлетворил.

Последняя неделя перед уходом из лагеря

была посвящена съемкам, для чего мы были разбиты на партии, нам были выданы необходимые инструменты, — доски-планшеты с привинчивающейся ножкой, — и даны соответствующие задания. Это были одни из самых лучших дней нашего пребывания в лагере. С раннего утра, забрав все необходимое, мы отправлялись небольшими группами на свои участки для производства съемки. Те, кто работал быстро, имели полную возможность прекрасно выспаться где-нибудь в кустах. Некоторые, совершенно неспособные или ленивые, просто напросто « сдирали » у своих товарищей. Многим попадались участки, в которые входили какие-нибудь подмосковные села или деревни. Им было полное раздолье, — забирались в любую избу, пили вволю молока и, конечно, спали, выставив, обыкновенно, дозорного на случай внезапного появления кого-либо из офицеров. Одной группе моей роты достался участок, в который входило историческое село Тушино.

Кончились съемки, сданы планшеты, и мы готовимся к уходу на зимние квартиры, где через какой-нибудь месяц будем произведены в офицеры. Переход совершаем походным порядком и получаем редкую благодарность батальонного командира, гвардии полковника Попова, поблагодарившего нас за « блестящий переход ».

Зимние квартиры

Здание Алексеевского военного училища находилось в Лефортово, сейчас же за мостом через реку Яузу, с правой стороны улицы. Толстые кирпичные стены, окружающие его двор и хозяйственные постройки, выходили на берег этой реки. Рядом с училищем помещался 3-й кадетский корпус, с которым мы имели общую баню, а напротив, на другой стороне улицы, в казарменного вида постройке были квартиры начальника училища, офицеров и персонала.

Широкий, величественный подъезд вел в обширную швейцарскую, откуда лестница в два марша вела во второй этаж.

В первом этаже находились наши классные комнаты, учебные кабинеты по химии и физике, канцелярия, комната преподавателей и другие хозяйственные помещения. Тотчас же около швейцарской, с правой стороны, окнами на улицу, помещалась приемная-гостиная для посетителей — большая комната, очень уютно обставленная мягкой мебелью, с картинами по стенам и с маленьким столиком у дверей для дежурного по приемной портупей-юнкера. В этой приемной нас навещали наши родные и знакомые.

Помещения рот, так называемые « роты », находились во втором этаже : влево от верхней площадки лестницы — вторая и Его Высочества, а вправо — 3-я, 4-я и 5-я роты, церковь и чайная юнкеров.

Прямо против верхней площадки лестницы была комната дежурного офицера. Из помещения 2-й роты шел коридор, в середине которого была дверь в специально оборудованные карцеры и, наконец, громадный, торжественный зал с всегда изумительно навощенным паркетом, с портретами Императоров по стенами и белыми мраморными досками с фамилиями юнкеров, окончивших училище первыми. Из зала вела дверь в манеж, куда нужно было спускаться по широкой лестнице. В передней части манежа была устроена юнкерская столовая, в другом же конце стояли приборы для гимнастики. Манеж этот был, собственно говоря, отдельным одноэтажным, с громадными окнами зданием, только соединяющимся крытым ходом со зданием училища. Во втором этаже помещался также и лазарет .

Помещения рот были большие, прямоугольные, не особенно высокие залы в два света, разделенные арками и уставленные такими же, как и в лагере, железными койками. Только здесь у каждого юнкера был собственный небольшой шкафик, стоявший в головах койки и запиравшийся на замок. Тут же находились умывалки и уборные (они же и « курилки ». В ротах курить воспрещалось).

После привольного лагерного житья нам, привыкшим быть все время на воздухе, здесь, в здании, показалось спервоначала тесно и неуютно, и только мысль, что пробыть в нем придется очень не долго, утешала и радовала наши сердца.

Начались опять занятия строем и в классах. Для строевых занятий нас выводили на Кадетский плац, к Анненгофской роще и к госпиталю Императора Петра Великого .

Как-то приехал в училище французский генерал Домад, прибывший в Россию с какой-то миссией. На юнкеров он произвел самое убогое впечатление своим видом, мундиром и глубоко статскими манерами. Войдя в манеж, это было во время обеда, в сопровождении училищного начальства, он поздоровался с нами : « Бонжур, месье! ». Мы дружно ответили ему : « Здравия желаем, Ваше Превосходительство! ». Затем были вызваны юнкера, владеющие французским языком, с которыми генерал разговаривал. Мы как-то даже и не поинтересовались, о чем он с ними говорил, и по его отъезде из училища тотчас же его забыли и никогда не вспоминали впоследствии.

Каждому оканчивающему училище по 1-му разряду юнкеру, произведенному в прапорщики (второй разряд — в унтер-офицеры), полагалось от казны, кроме различных прогонных, подъемных денег, 300 рублей на обмундирование и еще 100 рублей на шашку, револьвер и бинокль, которые, кстати сказать, выдавались всегда натурой. Что касается обмундирования и снаряжения, то полагалось иметь из-

вестный установленный комплект обязательных вещей, состоявший из: защитного цвета суконной фуражки и папахи серого каракуля; шинели солдатского сукна и образца; непромокаемого плаща; защитного суконного кителя-мундира; темно-зеленых диагоналевых шаровар с красной выпушкой; защитной суконной гимнастерки и таких же к ней шаровар; двух пар галунных и двух пар защитных погон; кожаной двубортной куртки; двух пар сапог (парадные и походные); шерстяного светера; ременного походного снаряжения; кожаных перчаток; трех пар нижнего белья, нескольких полотенец и носовых платков, носков и т. п. и походного чемодана-кровати.

Поставщики всего этого, приглашенные училищем, устраивали целую выставку своих товаров-образцов в манеже, и мы сами могли выбирать тот или иной материал, за ту или иную цену. Если получался недохват к 300 рублям, мы должны были доплатить, в противном же случае, то есть если получался остаток от этих 300 рублей, он выдавался на руки юнкеру. Обыкновенно денег всегда хватало и образовывался излишек, который обычно расходовался многими на покупку хороших часов-браслета, нагрудного знака, портсигара и еще чего-нибудь в этом роде.

Можно себе представить, с каким восторгом мы осматривали и выбирали себе все, что полагалось! Все отпускные дни теперь посвящались примеркам у портных и у сапожников, беготне по магазинам, и разговоры только и касались будущего производства. Необходимо заметить, что все поставляемые нашими поставщиками товары оказались действительно первоклассными, в чем пришлось убедиться впоследствии, уже на фронте, сравнивая полученное в нашем училище с тем же у офицеров, выпущенных из других училищ. Особенно хороши оказались наши шинели и сапоги, которым, казалось, и сноса не было.

Разборка вакансий

Наступил день разборки вакансий. Нас всех собрали в столовой, где начальник училища прочел список предложенных вакансий и начал вызывать юнкеров по старшинству баллов, а юнкер громко произносил название той части, куда желал выйти. К сожалению, в мое время вакансии брались не прямо в полки, как в мирное время, а в распоряжение начальников штабов военных округов или в запасные батальоны, причем никому не было известно, какие именно полки пополняет данный запасный батальон, так как и сам батальон не знал этого точно: пополнение шло туда, где в данный момент был недостаток в людях. Только полки гвардии сумели создать с самого начала войны свои собственные (печальной памяти гарнизон Петрограда) запасные батальоны.

Поэтому вакансии брались нами преимущественно по месту стоянки запасных батальонов, большей частью в свои родные города или поближе к ним. При моем выпуске были также вакансии в артиллерию (крепостную) и в инженерные части, разобранные вне всякой очереди нашими « инженерами », юнкерами с законченным высшим техническим образованием. Затем шли десять вакансий в Офицерскую стрелковую школу, которые были взяты первыми же десятью, а потом Иркутский и Омский военные округа, разобранные моментально (частью — из-за больших прогонных денег, частью, чтобы побывать и посмотреть Сибирь). Затем шли в порядке разбора — Тула, Орел, Тверь, Калуга, Брянск, уездные города этих губерний, наконец — Москва, в которую шли только москвичи (ни копейки прогонных!), и все последние — в Казанский военный округ.

Я мечтал о своем родном Харькове, но так как южнее Брянска вакансий не было, то, сговорившись со своими четырьмя товарищами по роте, мы, все пятеро, решили взять Омск, что нам и удалось. В Омске у меня были тогда родственники, — семья моего дяди, бывшего там управляющим акцизными сборами, который, кстати сказать, был немало поражен, когда в один прекрасный зимний день конца октября 1915 года я позвонил у его подъезда и явился неожиданно к нему из далекой России.

Во время пребывания на старшем курсе на зимних квартирах, нас обучали еще верховой езде, шашечным приемам и рубке. Обучение верховой езде даже для будущего пехотного офицера было совершенно недостаточным: всего лишь несколько уроков в училищном манеже. Выучили, можно сказать, только как разбирать поводья и с какой стороны подходить и садиться на лошадь.

Замечательно было отношение юнкеров к этой верховой езде: часть их ждала этого урока с нетерпением и радостью, часть же старалась всеми силами от него уклониться. На уроки верховой езды мы надевали особые серо-синие кавалерийские рейтузы, стараясь подольше не снимать их и пощеголять ими.

Что касается шашечных приемов и рубки, то и здесь нам показали только самое необходимое: не хватало времени. Рубили глину.

Мне хочется еще сказать о прекрасном духе, который укоренился в нашем училище, по-видимому, с давних пор и так благотворно влиял на питомцев этого поистине образцового во всех отношениях военно-учебного заведения. Знаменитого « цука », процветающего в других училищах, у нас не было и в помине, и отношение старших к младшим если и было чрезвычайно строгим и требовательным, то оставалось одновременно с тем крайне простым и доброжелательным. Младшим сразу же давалось понять,

что они — младшие, « козероги », и проводилось это настойчиво и строго, хотя и деликатно.

Таковым же было и отношение к нам курсовых офицеров, — корректное, вежливое и в то же время, в том что касалось внутреннего распорядка или требований службы, очень суровое, без каких-либо поблажек.

Взаимоотношения юнкеров строились на прекрасном духе товарищества и взаимной выручки. Мы совершенно не терпели в своей среде « мыловаров » (подлиз) и доносчиков. Таких у нас как будто и не было. Было подозрение на одного из юнкеров, бывшего артиста, но за недоказанностью никаких карательных мер с нашей стороны принято не было. Не пользовались у нас почему-то любовью и расположением юнкера — бывшие семинаристы, которые поэтому держались отдельно, обособленной группой, хотя среди них и попадались прекрасные товарищи и неплохие строевики.

Ни курсовым офицерам, ни преподавателям никаких прозвищ и кличек не давали, бенефисов им не устраивали. Объяснялось это, быть может, кратковременностью нашего пребывания в стенах училища.

Кроме офицеров, в училище состоял целый штат низших служащих : каптенармусов, поваров, портных и других нижних чинов, носящих форму училища, и так называемых « дядек », — служителей, уборщиков помещений и бараков, которые за особую плату охотно брались чистить нашу одежду и сапоги. Ежедневно во время нашего сна они производили эту операцию и, нужно отдать им справедливость, — все сверкало и горело, а мы были совершенно спокойны, зная, что на утреннем осмотре все будет в полном порядке.

Состав юнкеров был, как я уже говорил выше, чрезвычайно пестр и разнообразен. Со всех концов необъятной нашей родины молодежь съехалась в наше училище. Из всех юнкеров, поступивших в училище вместе со мной, не были произведены только двое : Якимов и Захаров. Производство юнкера Якимова было задержано из-за непорядка в его документах, представленных при поступлении в училище. Не было к ним приложено свидетельство, кажется, о политической благонадежности, и он получил производство позже. Юнкера Захарова не произвели в офицеры по иной причине : он оказался заикой. Во время медицинского осмотра при приеме, комиссия проглядела этот его недостаток по той простой причине, что никто из членов комиссии не вступал при этом с нами ни в какие разговоры, удовлетворяясь всего лишь наружным осмотром, измерением роста, веса и т. д. Таким образом Захаров был принят в училище, принес присягу, с грехом пополам справился с репетициями, но когда пришло ему время командовать, он начинал волноваться, нервничать и, заикаясь, не мог произнести ни слова. После окончания курса он был отправлен в какой-то госпиталь, где должен был пройти курс специального лечения. Вылечился ли он или нет и был ли произведен в офицеры, так и осталось мне неизвестно.

Описывая по возможности подробно свое пребывание в училище, его быт и нравы, я должен еще сказать о суточном наряде, или дежурстве, которое несли мы, юнкера. Кроме обычных дежурных и дневальных по роте, дежурных по лазарету, кухне и приемной,мы несли еще и караулы, правда — только во время пребывания в лагере. Ежедневно назначались два унтер-офицерских караула : один — к знамени (передний) и другой к пороховому погребу и карцерам (задний). Караул у знамени, на передней линейке, был особенно почетен. По традиции, юнкер — часовой стоял свой час « смирно » не только в течение дня, но и ночью. Караульное помещение находилось тут же, в небольшой палатке; в нем круглые сутки происходило чаепитие : и чай и булки отпускались в караул в неограниченном количестве. Зимой, в Москве, знамя находилось на квартире начальника училища, куда никакой караул, конечно, не наряжался.

Кроме того, от довольствующей роты (каждая рота довольствовала весь батальон в течение месяца, по очереди) назначался артельщик, на обязанности которого было следить за правильным поступлением продуктов и за отпуском таковых на кухню. Эту обязанность приходилось нести назначенному на нее юнкеру в продолжение целого месяца. В мое время артельщиком от 2-ой роты был в сентябре месяце юнкер Заблоцкий (инженер — путеец).

Во всех ротах на взводах стояли прапорщики, и только одним из взводов 4-й роты командовал окончивший наше же училище ускоренным выпуском, но из юнкеров еще мирного времени, подпоручик Летчер. Небольшого роста, вылощенный офицер этот, с длинной лошадиной физиономией и безукоризненным английским пробором, не терпел прапорщиков, и самое даже слово « прапорщик », казалось, приводило его в бешенство и ярость. Вообще он был грозой для своей 4-й роты.

Как-то раз, вскоре после поступления в училище, то есть совсем еще « молодым », я, возвратившись из отпуска, должен был явиться с рапортом дежурному офицеру. Надо заметить, что дежурным офицером обыкновенно назначались командиры полурот, капитаны и штабс-капитаны, а их помощниками всегда прапорщики, взводные командиры. В этот день помощником дежурного офицера был подпоручик Летчер, который, развалившись в кресле на балкончике и всем своим видом показывая какое-то свое превосходство, небрежно принимал рапорты являющихся из отпуска юнкеров. Юнкера подходили к ограде этого балкончика со стоя-

щим на ней специальным ящиком для личных знаков, рапортовали и клали свой личный знак в этот ящик.

Явился и я и, рапортуя о прибытии, ошибся и машинально назвал Летчера « прапорщиком » От такой неслыханной дерзости он как-то даже позеленел, его передернулю, и он прошипел : « А ну-ка поднимитесь повыше, — я что-то плохо слышу!... » Поднявшись по ступенькам на балкончик и приблизившись к нему, я уже сообразил о своей оплошности и, рапортуя, назвал его на этот раз « поручиком ». « Так что же Вы, на крышу заберетесь — в генералы меня произведете?! » заорал он на меня... « Виноват, господин поручик! ». « Марш в роту!... »

К счастью, этим все и окончилось, и никакому взысканию, как это ни было необычайно, я подвергнут не был, чему немало дивилась вся рота, где я тотчас же все и рассказал.

Производство в офицеры

Незаметно подошел и день 1 октября, желанный и долгожданный день. С утра все мы, юнкера старшего курса, были одеты уже во все свое собственное, офицерское : защитные гимнастерки и шаровары, только с юнкерскими еще погонами на плечах. Все казенное обмундирование сдаем нашим ротным каптенармусам. Наконец, приказ строиться, и нас в последний раз « строем юнкеров » ведут в церковь на молебен. После краткой церковной службы нас вновь выстраивают перед церковью, появляется начальник училища генерал-майор Хамин с Высочайшей телеграммою в руках. После небольшого напутственного слова он оглашает текст телеграммы и поздравляет нас с производством в прапорщики. Радостное, несмолкаемое « ура » служит ему ответом, подается команда, и мы уже не строем, перегоняя друг друга, весело мчимся в свои роты, чтобы как можно скорее переменить погоны и надеть шашки.

Итак, мы — офицеры российской Императорской армии!...

Как раз 12 часов дня, время завтрака, и нам любезно предлагают позавтракать в последний раз вместе с юнкерами. Охотно принимаем предложение, чинно спускаемся в манеж и занимаем свои места. Вот тут только и начинаешь чувствовать, как дороги нам стены нашей славной школы и как грустно с нею расставаться...

После завтрака следует процедура выдачи ротными командирами причитающихся нам денег, получение предписаний и послужных списков, прощание с нашими курсовыми офицерами и, наконец, мы свободны и покидаем стены училища.

По традиции, первому солдату, который отдаст честь новоиспеченному офицеру нашего училища вне его стен, полагалось давать денег. И, выйдя из училища, нас было человек пять, мы тут же, на мосту через Яузу, встретили первого солдата, лихо нам козырнувшего. Подозвав его, мы начали совать ему деньги, к неописуемому его удивлению, конечно... Получив что-то около тридцати рублей, сумму по тем временам немалую, совершенно не зная, за что, он был, вероятно, очень поражен и долго оглядывался нам вслед...

В числе произведенных юнкеров моей роты было два казака, — кубанец Рыженков, вышедший в один из кубанских пластунских батальонов, и другой — забайкалец (фамилии его не помню), который имел вакансию в 1-й Читинский полк Забайкальского казачьего войска. Серая черкеска и малиновые шаровары Рыженкова, его черная кубанка с малиновым дном, кавказская шашка и другие принадлежности его своеобразного и нарядного обмундирования были очень красивы. Забайкалец был экипирован значительно проще : на таком же кителе, как и у всех нас, серебряные погоны с желтым просветом, вышитой цифрой и литерой, синие рейтузы с желтым лампасом и шпоры, — мечта каждого вновь произведенного... В других ротах несколько казаков также вышли в свои казачьи части.

Каждый вновь произведенный имел право на восьмидневный отпуск, и все стремились, конечно, провести его в своей семье, в своем родном городе. Как я говорил выше, я и четверо моих товарищей по роте взяли вакансии в распоряжение начальника штаба Омского военного округа. Мы условились съехаться после свидания с родными опять в Москве и встретиться 7 октября в 9 часов вечера в зале первого класса Курского вокзала, чтобы вместе продолжать дальнейший путь в далекую Сибирь.

8 октября мы тронулись в путь, в Омск, чтобы там начать новую нашу жизнь офицера русской Императорской армии.

В штабе Омского военного округа нас разъединили : я был назначен в распоряжение командира 3-й запасной Сибирской стрелковой бригады и попал в 26-й Сибирский стрелковый запасный батальон, расположенный в Омске, все же мои друзья получили назначение в 4-ю бригаду, в город Ново-Николаевск, и немедленно туда уехали.

Пребывание мое в 26-м Сибирском стрелковом запасном батальоне в г. Омске было не особенно продолжительным : в начале декабря 1915 года, перед рождественскими праздниками, я получил предписание отправиться в распоряжение командира 27-й пехотной запасной бригады в город Ржев, командовал которой в это время бывший курсовой офицер нашего училища полковник Мириманов. Прибыв в бригаду, я был назначен в 50-й пехотный запасный батальон в город Зубцов, Тверской губернии. Этот батальон был сформирован из кадра, выделенного 1-м лейб-гренадерским Екатеринославским

Императора Александра 2-го полком. Только оттуда я был назначен в 25-й Туркестанский стрелковый полк 7-й Туркестанской стрелковой дивизии, в рядах которого и провел всю войну.

В конце сентября 1917 года я уехал в последний отпуск из своего полка, чтобы больше уже не возвратиться в него. Октябрьский переворот и полный развал русского фронта прекратили существование доблестной русской армии.

Указывая в начале моих воспоминаний на тот патриотический порыв, который обуял учащуюся молодежь во время мировой войны 1914 года, я хочу в доказательство этого привести выпуск гимназистов 3-й Харьковской гимназии 1913 года, которую, в этом году окончил и я.

Выпуск гимназистов 1913 года состоял, насколько помню, из 38 человек окончивших и был на редкость блестящ в смысле показанного ими успеха в науках и количества получивших медали : семь золотых и одиннадцать серебряных. Таким образом почти половина окончивших была удостоена медалями. Все окончившие, кроме одного, Алексея Аристова, умершего тем же летом, осенью поступили в различные высшие учебные заведения, большинство в университет, но многие и в специальные технические.

Все мы, конечно, пользовались отсрочками по призыву на военную службу до окончания своего образования и когда началась война и начали призывать студентов, то сначала брали первокурсников и окончивших, затем второй курс и окончивших, затем третий и т. д., но до нас не дошли, вернее — не успели... Таким образом из моего гимназистического выпуска за все время военных действий никто призван не был и все те, кто не пошел добровольцем на войну, благополучно закончили свое образование в 1917 г. Их было немного, так как подавляющее большинство ушло в военные училища.

Мне точно известно о поступлении на военную службу 23 человек, в том числе четыре военных врача. Что же касается остальных, то кроме двух умерших, я просто не имею никаких сведений о них. Могу только сказать, что четверо из них военными не были просто по состоянию своего здоровья и полной физической негодности для службы в армии.

Вот список тех, кто добровольно принял участие в войне :

Алексеевское военное училище — Кромида Борис, Гурковский Генрих (выпущен по 2-му разряду, сибирский стрелок, Георгиевский кавалер), Пашков Павел;

Михайловское артиллерийское училище — Кривых Андрей, Халявин Александр (погиб на фронте адмираал Колчака), Хмельницкий Андрей, Пороховников Петр, Обремский Ян (получил орден Св. Владимира 4-й ст. вместо ордена св. Георгия, к которому был представлен);

Николаевское инженерное училище — Островский Константин;

Елисаветградское казалерийское училище — Трескин Сергей, Линицкий Борис, Римский-Корсаков Георгий (Линицкий умер в эмиграющии в 1924 г.);

Из вольноопределяющихся — Неклюдов Александр, Сабо Георгий, Погорелко Александр, Шестенко Иван, Иогансен Михаил, Гунгер Николай, Буканов Владимир;

Врачи — эти четыре врача окончили ускоренным выпуском, вместо пяти лет в четыре года, медицинский факультет Императорского Харьковского университета и выпущены в звании зауряд-врачей весной 1917 г. и все служили во флоте. Вот их фамилии : Вроблевский Борис (исполнял обязанности старшего врача на « Ростиславе », начальник санитарной части Донской армии в период гражданской войны), Мальцев Владимир (лин. кор. « Три Святителя »), Яцунский Эгон (умер в 1919 г. в Харькове) и Попов Михаил (на государственной службе в Югославии).

Возможно, что из тех двенадцати человек, о которых я не имею никаких сведений, некоторые также служили в войсках, что весьма вероятно.

Париж 1945 год

Склад издания: «Le Passé Militaire»
61, rue Chardon-Lagache - PARIS (16^{me}).

Imprimerie P.I.U.F., 3, rue du Sabot - Paris (6^{e})